

Абдуллаева Гульнара Ширваниевна, Мунчаева Аминат Ахмедовна

КАТЕГОРИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается категория локализации как грамматическая категория имени, и описываются средства её выражения в лакском языке. Обосновывается необходимость разграничения инессива имени с формантом -ву и категории локализации пространственных наречий с формантом -в эссиве, который этимологически является классным показателем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.02.00 ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.35

В статье рассматривается категория локализации как грамматическая категория имени, и описываются средства её выражения в лакском языке. Обосновывается необходимость разграничения инессива имени с формантом -ву и категории локализации пространственных наречий с формантом -в эссиве, который этимологически является классным показателем.

Ключевые слова и фразы: локализация; серия местных падежей; концепт локализации; косвенная основа падежной формы; эссив; направительные падежи; грамматический класс; классный показатель.

Абдуллаева Гульнара Ширваниевна, к. филол. н.

Дагестанский государственный университет народного хозяйства
guln.abdullaeva2015@yandex.ru

Мунчаева Аминат Ахмедовна, к. филол. н.

Дагестанский государственный педагогический университет
afina151@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Ещё в середине XIX в. в своих исследованиях по дагестанским языкам П. К. Услар отмечал наличие в этих языках большого количества падежей. В лакском языке им было выделено больше 40 падежей. Они были разделены на два разряда: «одни из них служат для обозначения отвлечённых отношений между предметами, другие же для обозначения материальных отношений положения их в пространстве. Последнего рода падежи мы можем назвать *местными*» [7, с. 29]. П. К. Услар систематизировал все местные падежи в 6 групп в зависимости от локализации предмета в пространстве: «внутри», «на поверхности», «под, внизу», «за, позади», «около, вплотную», «рядом». В составе этих групп, которые впоследствии Л. И. Жирковым были названы «сериями», П. К. Услар отметил также направительные падежи, обозначающие движение: «Принимая точку положения покоя за начальную, мы находим для движения: или *исход* из этой точки, или *удаление* от неё, или *сближение* с ней, или *передвижение* относительно неё, или *направление* к ней. Всё это выражается в лакском языке особыми формами» [Там же, с. 35]. Таким образом, система местных падежей включает шесть серий, каждую серию возглавляет падеж покоя и образованные от него четыре направительных падежа.

В работе Л. И. Жиркова выделена ещё одна, неполная, седьмая серия местных падежей «у...», в которую входят два падежа с показателями **-хь**, **-хьхьун** [2, с. 37], которые у П. К. Услара входили в состав грамматических (не «местных») падежей под названиями соответственно «присваивающий» (*кьатлухь*) и «сближающий» (*кьатлухьхьун*). Если исходить из семантики, то первый из них обозначает обладание, наличие предмета у лица (*Оьрчлахь лу бур* / «У мальчика книга есть»), а второй – передачу объекта лицу (*оьрчлахьхьун лу булун* / «передать книгу мальчику»).

Г. Б. Муркелинский в описании местных падежей следует классификации П. К. Услара, а падежи, отнесённые Л. И. Жирковым к седьмой серии, включает в группу «промежуточных» падежей, считая субъектно-объектными только три падежа: именительный, родительный-активный и дательный I (с показателем **-н**), а «сближающий» падеж П. К. Услара называет дательным II (показатель **-хьхьун**) [5, с. 90].

Вопросы склонения существительных рассматриваются и в работах С. М. Хайдакова. Так, в [9, с. 403-404] представлена парадигма склонения существительного ч1ира / «стена», способы образования косвенных основ и дистрибуция падежных аффиксов описаны в [10, с. 132-150].

Обзор работ по проблемам категории падежа в лакском языке представлен в работах В. Фридмана, американского учёного из Чикагского университета. По его мнению, «включение Л. И. Жирковым Possesiv/Adressiv и Dativ-2 в седьмой (неполный, с неполной парадигмой) ряд местных падежей наравне с более точными местными падежами не объясняет их природу ввиду их главных функций – обозначения обладания и роли косвенного дополнения при глаголах говорения и давания. <...> Лучше считать этимологически связанные Possesiv/Adressiv, Dativ-2, Ablativ и Comitativ как часть (возможно, вторичную) грамматического ряда» [8, с. 56]. Вполне логично включение в этот ряд аблатива с суффиксом **-ща** (ср.: *оьрчлахьхьун дулун* / «дать мальчику» – *оьрчлаща ласун* / «взять у мальчика»).

В последнее время в работах исследователей по дагестанским языкам, представляющих Московскую типологическую школу [3, с. 201-208; 6, с. 175-177], категория локализации описывается как отдельная категория, отличающаяся от грамматических падежей. Как об этом пишет А. Е. Кибрик, «в отличие от грамматических падежей,

не имеющих систематических корреляций между формой и функцией, пространственные формы имеют явную внутреннюю структуру и представлены на формальном и семантическом уровне как комбинации единиц». На этом основании он расщепляет категорию падежа на две категории: собственно падеж (грамматические падежи) и пространственные формы, состоящие из направительных падежей и категории локализации [3, с. 201]. Стандартная структура пространственной именной формы выглядит следующим образом:

ОСНОВА + {ЛОКАЛИЗАЦИЯ + НАПРАВЛЕНИЕ (пространственный падеж)}.

В исследованиях по лакскому языку термин «локализация» соответствует термину «серия» при описании местных падежей. Предложенный А. Е. Кибриком термин является семантически более мотивированным, однако при наличии в языках от 6 до 10 локализаций для составителей вузовских и описательных грамматик дагестанских языков более удобным представляется термин «серия» с названием падежа локализации: *серия суперэссива, серия субэссива, серия постэссива* и т.д.

Как отмечает А. Е. Кибрик, дагестанские языки существенно варьируют в отношении значений и множеств значений, которые соотносятся с категорией локализации. Тем не менее первичные концепты локализации, засвидетельствованные в различных дагестанских языках, не являются случайными: они повторяются в различных комбинациях и обычно их можно идентифицировать. Примерный инвентарь концептов локализации, реализуемых в дагестанских языках, представлен в следующем ряду:

SUPER 'на /над ОП (ориентиром)'

SUB 'под ОП'

POST 'за ОП'

IN 'внутри, в замкнутом пространстве ОП'

INTER 'в сплошном пространстве ОП'

AD 'рядом, соположено с ОП'

APUD 'около, без контакта с ОП'

CONT 'вплотную, в полном контакте с ОП'

CUM 'в неопределённой близости к неодушевлённому ОП, вместе с одушевлённым ОП'

LOC 'в типичном расположении относительно ОП'

POSS 'под контролем, в обладании у одушевлённого ОП' [Там же, с. 202].

Как отмечает З. М. Маллаева, в аварском языке представлено 5 локализаций: SUPER, AD, SUB, INTER, IN [4, с. 22]. В другой комбинации 5 локализаций присутствуют в арчинском языке: IN, INTER, SUPER, CONT, SUB [3, с. 203].

В лакском языке представлено 6 локализаций: SUPER, SUB, IN, POST, AD (APUD), CONT, а также концепт POSS, включаемый в неполную серию местных падежей. Показателями локализаций являются соответственно суффиксы **-й**, **-лу**, **-ву**, **-х**, **-ч1а**, **-ц1**, **-хь**, присоединяемые к косвенной основе, которая в части имён совпадает и с прямой основой: ср.: *ч1ира* / «стена»: *ч1ира-й* / 'на стене', *ч1ира-лу* / 'под стеной', *ч1ира-ву* / 'в стене', *ч1ира-х* / 'за стеной', *ч1ира-ч1а* / 'около стены', *ч1ира-ц1* / 'вплотную у стены', *ч1ира-хь* / 'у стены, занят стеной';

бак1 «голова»: *бак1ра-й* / 'на голове', *бак1ра-лу* / 'под головой', *бак1ра-ву* / 'в голове', *бак1ра-х* / 'за головой', *бак1ра-ч1а* / 'рядом с головой', *бак1ра-ц1* / 'в головах, вплотную к голове', *бак1ра-хь* / 'у головы'.

В каждую полную серию локализации, возглавляемую эссивом, входит ещё четыре направительных падежа:

АБЛАТИВ 'двигаться от ЛОКАЛ (ОП)'

ТРАНСЛАТИВ 'двигаться по, через ЛОКАЛ (ОП)'

ЛАТИВ 'двигаться к ЛОКАЛ (ОП), но не дальше'

АЛЛАТИВ 'двигаться в направлении к ЛОКАЛ (ОП)'

От эссивов всех серий образуется по 3 падежа: аблатив (**-а/-ату**), транслатив (**-х**) и латив (**-н**). Аллатив образуется от латива прибавлением изменяющейся по классам клитики **-ай** (1 класс), **-май** (3 класс), **-най** (3 класс).

Таблица 1.

Экспоненты пространственных форм в лакском языке

Локализация	Направление				
	эссив	аблатив	транслатив	латив	аллатив
SUPER	-й	-й-а(ту)	-й-х	-й-н	-й-н-(м)ай
SUB	-лу	-л-а	-лу-х	-лу-н	-лу-н-(м)ай
IN	-ву	-в-а	-ву-х	-ву-н	-ву-н-(м)ай
POST	-х	-х-а	-ху-х	-ху-н	-ху-н-(м)ай
AD	-ч1а	-ч1а-ту	-ч1а-х	-ч1а-н	-ч1а-н-(м)ай
CONT	-ц1	-ц1-а	-ц1у-х	-ц1у-н	-ц1у-н-(м)ай
POSS	-хь	-щ-а	—	-хьхьу-н	—

Таким образом, без учёта неполной серии поссессива в категорию локализации лакского языка входит 30 падежных форм. Однако следует учесть следующие моменты: 1) не каждое имя имеет всю парадигму пространственных падежей: семантика падежа согласуется с семантикой имени (см.: естественность формы *вац1луву* / 'в лесу' и невозможность формы *вац1луй* / 'на лесе'); 2) отдельные формы пространственных

падежей и некоторые серии, например падежи серий *суперэссива*, *постэссива*, *контэссива*, чаще употребляются в субъектно-объектных значениях, чем в пространственных; 3) *аллатив* не может иметь субъектно-объектных значений и в этом смысле ближе к наречию, чем к имени.

Следует обратить внимание на особую падежную форму с аффиксом **-в**, который в И. Х. Абдуллаев определяет как инессив: «Инессив в кумухском диалекте имеет аффикс **-в** (с вариантом **-ву**), а в диалектах ему соответствует аффикс **-бу**, который является исходным. Однако в балхарском диалекте в одной группе имён (выделено нами – Г. А., А. М.) в качестве локативных показателей выступают и классные показатели **-б** (для I, III кл.) и **-р** (для II, IV кл.)» [1, с. 45]. Мы склонны к мысли, что классный показатель **-в** и варианты **-бу/-ву/-в** имеют разную природу. Речь идёт о группе имён с пространственным значением типа *ар* / 'равнина', *ахъ* / 'сад', *хъу* / 'пашня', *къур* / 'поле', *гъан* / 'теневогой склон', *сун* / 'солнечный склон', *рам1* / 'русло реки' и т.п., на которые обращал внимание в своё время и П. К. Услар. Интересным представляется его объяснение разницы между формами *хъуний* и *хъув*: «Хъу – пашня, род хъунил; хъуний означает на целой пашне, хъуний вакъпу бури – на пашне налог (в пользу мечети); хъув (сочетание *ув* обозначено как долгий *у* – Г. А., А. М.) – на одном месте пашни; хъув ури – он на пашне, хъув лаугунди – он пошёл на пашню» [7, с. 40]. Т.е. форма *хъув* образована от прямой основы, без вставки косвенной основы – **ни**.

Такие формы свойственны и некоторым другим группам имён, обозначающих пространственные объекты, помещения и их части, а также топонимические названия (*Цахъарав* / 'в Цудахаре', *Ккулув* / 'в Кули', *Вихълив* / 'в Вихли' и т.д.). Так образуется форма эссива и от пространственных послелогов-наречий типа *ч1арав* / 'рядом', *дянив* / 'посреди', *зуманив* / 'на краю' и др. Также оформляется эссив и у некоторых синкретичных имён-наречий, у отдельных из них в синхронном плане отсутствует и начальная форма в именительном падеже: *къат1ув* / 'вне дома', *иттав* / 'в глазу', *зумув* / 'во рту', *къункъув* / 'в носу', *эяв* / 'на развалинах', *ц1ив* / 'на крыше', *х1ав* / 'в роще'. Собственно существительные от них образуются суффиксальным путём при помощи суффикса места **-ялу/-алу**: *къат1алу* / 'двор, улица', *эялу* / 'руина', *ц1иялу* / 'крыша', *х1алу* / 'роща, лес'. Если в одних случаях формы с конечным **-в** и могли бы быть интерпретированы как инессив ('в замкнутом пространстве'), однако формы таких имён как *арив* / 'на равнине', *ц1ив* / 'на крыше' и др., а также формы наречий-послелогов никак под понятием «инессива» не подходят. Данное значение может быть определено как LOC ('в типичном расположении относительно ОР'). Данный ряд похож на серию пространственных падежей и включает в свой состав и направительные падежи.

Таблица 2.

Формы серии локатива

Локализация LOC	Направление				
	эссив	аблатив	транслатив	латив	аллатив (3 кл.)
'равнина'	ари-в	ари-йа	ари-х	ари-в(н)	ари-(пп)ай
'на земле'	щя-в	щя-ту	щя-х	щя-в(н)	щя-(пп)ай
'глаз'	итта-в	итта-ту	итта-х	итта-в(н)	итта-(пп)ай
'рядом'	ч1ара-в	ч1ара-ту	ч1ара-х	ч1ара-в(н)	ч1ара-(пп)ай
'в Кули'	Ккулу-в	Ккул-ату	Ккулу-х	Ккулув(н)-н	Ккулу-(пп)ай

В данной серии эссив этимологически является классным, т.е. изменялся по классам, о чём говорят и данные диалектов, и сохранившиеся в фразеологии формы: *чани щяр дагъаннин* / 'затемно, до падения света на землю'. Классный показатель 1 класса **-в** превратился в показатель серии и перестал изменяться по классам, т.е. из трёх классных форм *щяв* (1 класс), *щяб* (3 класс), *щяр* (4 класс) сохранилась только одна форма. В литературном языке (кумухский диалект) в лативе выпал конечный **-н**, вследствие чего формы эссива ('где?') и латива ('куда?') совпали в звучании: *ц1ив марххала бур* / 'на крыше (лежит) снег' – *ц1ив малахъара* / 'не ходи на крышу'.

Таким образом, можно констатировать, что в падежной системе лакского языка функционирует категория локализации, которая включает шесть полных серий местных падежей. В каждую серию входит по пять падежей: эссив и 4 направительных падежа, которые образуются от эссива соответствующей серии. В специальной литературе не выделена ещё одна серия, показателем которой является **-в**, этимологически являющийся классным показателем. Данная серия свойственна не только именам, но и наречиям и послелогам.

Падежи выделяемой исследователями неполной седьмой серии хоть по формальной структуре и похожи на локативы, но по семантике представляют собой грамматические падежи.

Список литературы

1. Абдуллаев И. Х. Лакский язык в историко-сравнительном освещении. Морфология. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. 368 с.
2. Жирков Л. И. Лакский язык. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 160 с.
3. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. 720 с.
4. Маллаева З. М. Категория локализации и её репрезентация в аваро-андийских языках. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 220 с.
5. Муркелинский Г. Б. Грамматика лакского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971. Ч. 1. Фонетика и морфология. 256 с.
6. Плуноян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 384 с.
7. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание: в 7-ми т. Тифлис, 1890. Т. IV. Лакский язык. 473 с.

8. Фридман В. Очерки лакского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 168 с.
9. Хайдаков С. М. Лакско-русский словарь. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1962. 422 с.
10. Хайдаков С. М. Очерки по лакской диалектологии. М.: Наука, 1966. 244 с.

THE CATEGORY OF LOCALIZATION IN THE LAK LANGUAGE

Abdullaeva Gul'nara Shirvanievna, Ph. D. in Philology
Dagestan State University of National Economy
guln.abdullaeva2015@yandex.ru

Munchaeva Aminat Akhmedovna, Ph. D. in Philology
Dagestan State Pedagogical University
afina151@yandex.ru

In the article the category of localization as a grammatical category of the name is considered, and the means of its expression in the Lak language are described. The authors ground the necessity to distinguish the inessive case of the name with the formant *-ey* and the category of localization of spatial adverbs with the formant *-e* in the essive case which is a class indicator etymologically.

Key words and phrases: localization; series of local cases; concept of localization; indirect stem of case form; essive case; allative case; grammatical class; class indicator.

УДК 8.81.14:3

В данной статье впервые рассмотрена донаучная юридическая терминологическая лексика якутского языка как основа для появления современного терминологического значения в юридической терминологической лексике. Автор обосновывает, что база для юридической терминологической лексики начала формироваться в лексике якутского языка донаучного периода. В статье юридические слова-термины донаучного периода рассмотрены по следующим видам права: гражданское право, обычное право и уголовное право.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; прототермины; термины; узкоотраслевая терминология; гражданское право; обычное право; уголовное право.

Андреев Евгений Семенович

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Ambral41286@mail.ru*

ДОНАУЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время наряду с другими узкоотраслевыми терминологиями приобретает особую актуальность юридическая терминология. Без юридических знаний трудно ориентироваться в современных рыночных условиях и чувствовать себя защищенным в своих правах. Практически во всех работах, относящихся к терминологической тематике, отмечается, что одной из характерных черт юридической терминологии является ее общераспространенность. Юридические термины охватывают широкое поле знаний, так как правовому регулированию подлежат практически все области человеческой деятельности. Понятийный аппарат юридической терминологической лексики, как правило, выходит за рамки узкой специальности и вливается в общеупотребительную лексику, и этим весьма существенно отличается от других узкоотраслевых терминологий.

С. В. Гринев-Гриневич выделил донаучные термины в отдельную группу под названием «прототермины». «Прототермины, – по его определению, – это специальные лексемы, появившиеся и применяющиеся в донаучный период развития специальных знаний, и поэтому они называют не понятия (они возникают с появлением науки), а специальные представления. В настоящее время прототермины существуют либо в виде лексических единиц предметных областей, в которых отсутствуют (еще не сформировались) научно-теоретические основы, либо в виде так называемых народных терминов, используемых параллельно с научными терминами. Но без связи с понятийной системой» [2, с. 44].

В данной статье рассматривается донаучная (дореволюционная) терминологическая лексика того периода, когда и речи не могло быть о якутском литературном языке. Когда якутский язык не имел официальной гражданской письменности, существовал алфавит и транскрипция О. Н. Бетлингга. На основе его принципов и методов был создан функциональный «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского. Для выявления прототерминов, явившихся основой для юридической терминологической лексики якутского языка, нами проработано около двадцати источников дореволюционного периода. Из двух источников, являющихся наиболее актуальными для нашей темы, выписано более 150 карточек. Это «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского (в 13 выпусках 1907-1930 гг.) и «Очерки юридического быта якутов» Д. А. Кочнева (1889 г.). Нижеуказанные прототермины приводятся именно из этих двух источников. В статье впервые подвергается анализу юридическая литература столетней давности. Юридическая терминологическая лексика, выбранная из источников, рассматривается нами по трем группам: а) прототермины гражданского права; б) прототермины обычного права; в) прототермины уголовного права.